

В. Бойко

о Чаинском восстании

Признаюсь, меня глубоко взволновала статья Малкова «Восстание» (Красное знамя» 31 марта с.г.). Во первых нова тема народного сопротивления несправедливому и жестокому режиму, во вторых уже в течение нескольких лет я занимаюсь историей коллективизации и спецпереселения на томской земле. Собрал кой-какой материал по Галкинскому (его еще называют Чаинским или Бакчарским) восстанию.

Хотелось бы на страницах областной газеты продолжить разговор об этом восстании, обсудить первую публикацию о нем в нашей печати. Во многом я разделяю убеждения автора статьи. Его отношение к коллективизации и спецпереселению как к акту насильственному и преступному, сочувствие жертвам социальных потрясений нашего общества, желание увековечить память этих жертв в Бакчарском и Чаинском районах, в самом Томске - все это не может не вызвать к публикации А. Малкова уважения. Думаю, что тема восстания начата достойно. Автор правдиво представил читателям процесс переселения крестьян на север Томской области как трагедию, которая заканчивалась для многих смертью. В этом отношении крестьянам было во многом тяжелее, чем заключенным. Ведь те мучились и погибали одни, а мужики должны были пережить мучения и гибель членов своей семьи. т.к. сначала умирали дети и старики. Поэтому трудно не согласиться с А. Малковым в том, что восстание было голодным бунтом, попыткой спастись от мучений голодом и смерти. В тоже время хотелось бы внести некоторые уточнения и необходимые дополнения к статье «Восстание».

В статье, например говорится, что летом 1931 года на строительстве Бакчара работающим спецпереселенцам выдавали в день 800 граммов некачественного хлеба и один - два раза мучной болтушки. Можно вполне определенно сказать, что Галкинский комендант, а им тогда был бывший красный партизан Т.Б. Малышкин, нарушал строго регламентированные нормы питания поселенцев. Директивным письмом №4-24 от 6 февраля 1931 года начальник Комендантского отдела Западно- Сибирского Краевого управления(КО ЗСКАУ – органа, ведающего спецпоселениями) И.И. Долгих приказывал комендантам Тоинской, Парбигской, Галкинской комендатуры строго придерживаться следующих норм: «Печеный хлеб -300 грамм в сутки или 6,5 килограмм муки в месяц на едока -и только занятым на работах по освоению колонизационного фонда выдавать 500 грамм в день печеного хлеба или 10,8 кг муки в месяц». Таков был основной рацион питания крестьян зимой 1930 г-1931 годов, когда еще не было никаких запасов продовольствия – ведь это была первая их зима вне родных мест. Поэтому 800 граммов хлеба и мучная болтушка были роскошью, скорее счастливым исключением из общего правила. Строго взыскивая со своих подчиненных выполнения ничтожных, на уровне блокадных, норм довольствия, И.И. Долгих стал виновником смерти многих тысяч брошенных в болота и тайгу людей.

Мне кажется, что А. Малков слишком доверчиво относится к обвинительному заключению по делу о восстании. Это вызвано, вероятно, небольшим количеством источников, которые были использованы при написании статьи. Поэтому нельзя согласиться с тем, что мы якобы никогда не узнаем всей правды о руководителях восстания, в первую о Г.Е Ускове. Вот некоторые эпизоды из его жизни, которая может стать сюжетом отдельной книги, характеристикой крестьянства в целом. Усковы были высланы из села Байкаим Ленинского

(бывшего Кузнецкого округа района на север Томской области в начале 1931 г целым семейным кланом. Во главе его стоял 65- летний Егор Васильевич. Его сын Николай вместе с семьей бежал с места поселения, как говорил он сам следователю «неизвестно куда». При нем остались дочь Татьяна, 17 лет, и сын Григорий (а не Георгий) как в статье А. Малкова), 38 лет. У Григория была своя большая семья. Григорий Усков обладал незаурядным умом и мог внушить к себе доверие начальства (был назначен районным старостой) и уважение местных жителей. Он вошел в тесный контакт с охотниками и пасечниками, с председателем одного из сельсоветов, Коровиным, имел широкий круг друзей среди поселенцев. Вместе с тем, как характеризует его жена, Григорий Усков был «мужик хитрый и осторожный, к нему никогда не подкопаешься». Другие источники говорят о хорошей конспирации при подготовке восстания, об осторожности его руководителя «Гриши», как его ласково звали. Сначала им планировалась всеобщая стачка (забастовка) переселенцев, условия жизни которых были очень тяжелыми летом и невыносимыми зимой.

Главное, что двигало им и его сообщниками, - получить шанс выжить самим и своим семьям, сделать попытку вернуть разумные, с точки зрения крестьян, порядки. Нэп с вольной торговлей и свободным трудом их вполне устраивал. Однако перспектива забастовки после обсуждения была отвергнута и остановились на восстании как единственно возможном в тех условиях средстве достижения своих целей. Надо сказать, что подготовке восстания способствовала система поселения в Чаинском районе. Поселенцы из разных районов Алтая концентрировались в комендатурах на томской земле по тому же районному делению, что и раньше. Поэтому в документах говорится не только о единстве крестьян на основе общей судьбы, бросившей их в болота и на гари, но и на основе их прошлой совместной общинной жизни. В связи с этим подвергнем сомнению тезис А. Малкова о том, что ОГПУ знало о восстании и спровоцировало его начало. Вполне возможно, что восстание готовилось в глубокой тайне и было неожиданностью для властей.

В архиве И.Б Малышкина, коменданта Галкинской комендатуры, нет и намека о подготовке восстания, а ведь через его руки шла вся секретная переписка с внешним миром. Просто трудно представить, каким образом чисто технически могла прийти в центры ОГПУ какая-либо важная, более секретная информация, минуя комендатуры, подготовки, хода и разгрома. Возможности газетной статьи не позволяют это сделать. Однако в будущем еще будет оценена и осмыслена роль этого незаурядного человека и инициативного крестьянского вожака в организации протеста против всеобщего произвола.

Количество жертв в период коллективизации оценивается сейчас по – разному. Но неизменно счет идет на миллионы, а то и десятки миллионов. Однако каждая отдельно взятая конкретная насильственная смерть внушает не меньший ужас, чем миллионные жертвы. В этом отношении история подавления Галкинского восстания дает множество примеров. Только небольшая часть крестьян пала в бою с оружием в руках. По нашим подсчетам их было не больше двадцати. Остальные были убиты без суда и следствия, порой с особой жестокостью, публично или в присутствии членов их семь. Таких горемык оказалось не менее 200-250 человек. Обвинительное заключение занижает число убитых до 100 человек, но судя по другим свидетельствам их было по крайней мере в два раза больше. Трупы валялись по дорогам и лесам, их долгое время запрещали хоронить. Проводились групповые казни и одиночные расстрелы. Среди многих воспоминаний подробнее остановимся на свидетельстве А.А. Чернодарова, который сейчас живет в Ростовской области, а тридцатые годы был воспитанником Бундюрского детского дома. Дядю его одноклассника Валентина

Шевлякова пришли арестовывать двое военных. «Тот спрятался в сарае,- пишет А.А. Черnodаров,- военные требовали выйти. Наконец, испуганный он переступил порог, но тотчас возвратился в сарай. Так сделал несколько раз. А как только вышел совсем, военные под штыками повели его. Метрах в двухстах от его хижины на глазах у семьи положили его вниз лицом сбоку дороги и расстреляли в затылок».

О.Ф. Лопатина, свидетельница тех событий, говорила о том, что при разгроме восстания погибло много «винных и невинных» т.е. участников восстания и людей совершенно посторонних. Спустя почти сорок лет в 1967 году поведали о казни повстанца Филата Сартакова в пос. Комаровка 70- летний Лушников Василий Григорьевич и 60 –летний Монахов Фрол Демьянович. Они рассказывали, что во время восстания им удалось скрыться по дороге ещё до боя, а Сартаков остался с восставшими. На другой день в Комаровку приехала конная милиция и привезла с собой Сартакова, который был ими расстрелян на площади в присутствии односельчан и родни. Сами они наказания в тот раз избежали, но Ф.Д. Монахов вскоре получил свои 10 лет ИТЛ по ст. 58-14 за укрывательство зерна от сельхозпоставок.

По свидетельству Ивана Ивановича Созыкина, местного активиста 30 -х годов, командовал войсками и лично расстреливал повстанцев И.И. Долгих. В частности именно ему приписывает И.И. Созыкин убийство Григория Ускова. По счастливой случайности избежавшие жестокой расправы на месте были привезены в Томск, якобы для следствия и суда. Уточним данные, изложенные в статье А. Малкова: всего привлечено было 149 человек, к октябрю 1931 г было выпущено 14 человек. Умерло в Томском домзаке от болезней и голода 13 человек. Вот их имена и возраст: Анохин Иван Анисимович 52 г, Добрынин Никита Степанович, возраст не указан, Грамотин Иван Иванович 28 лет, Мазур Григорий Матвеевич 33 года, Мордвинцев Яков Гаврилович 30 лет, Белкин Алексей Анионович 23 года, Новиков Даниил Александрович 25 лет, Степанов Василий Афанасьевич 30 лет, Назаров Илья Алексеевич 60 лет, Чепрасов Мартын Емельянович 57 лет, Исаков Кирилл Титович 41 год, Леонов Алексей Михайлович 52 года, Шепелев Захар Андреевич 46 лет.

И последнее с чем я не могу не согласиться в статье Малкова, - это с отношением к памяти П.П. Хомутского. Согласен, имена палачей, доносчиков и провокаторов народ должен знать и соответственно к ним относиться. Гласность здесь необходима хотя бы для того, чтобы люди, занимающиеся такими грязными делами сегодня, подумали об отношении к ним своих потомков и вообще честных и порядочных людей завтра. Но бывают случаи, когда гнев и презрение должны отступить. Эта такая же жертва своего времени, как и убитые крестьяне. Героический ореол вокруг его имени во многом фальшив. Ничего героического он, как и многие «герои того времени» не совершал, ведь все геройство - результат работы мощной пропагандистской машины. Просто Хомутский умер от пули, и даже неизвестно точно, от кого пуля эта прилетела. Вот ценное свидетельство Антона Кирилловича Заволоцкого: «Хомутский работал землеустроителем. Когда возникло восстание, мы поехали трое (я, Хомутский и мой брат Иван Кириллович в Высокий Яр на задержку восстания. Не доехали до Хохловки 1,5-2 километра, стояли верхом на конях и прислушивались. В это время его ранило в мочевого пузырь...). Подтверждает версию о случайной смерти Хомутского свидетельство жителя Бакчара Дмитрия Тихоновича Горлова: «Хомутский с одним товарищем патрулировал трассу на Высокий Яр. Хомутский шел по трассе, на окрик не остановился, поэтому в него выстрелили и убили. Мне кажется, что такая информация должна внушать доверие. Но нельзя согласиться с тем, что еще в 1987 г писали в районной Бакчарской газете «Ленинское знамя» «...подвиг

Хомутского бессмертен, он навсегда останется как достойный пример для подражания».

Нет доказательства и у И.И. Созыкина, который утверждает в своих воспоминаниях, что Хомутского «зверски убили кулаки». Как известно Петр Петрович Хомутский родился в 1907 году в Подмосковье, в 1922 году умер его отец, и его определили в детдом. Потом ему удалось получить среднее образование в техникуме и он был направлен землеустроителем в Селивановку - нынешний Бакчар. Жил он в Панычево с женой Лидией Всеволодовной, врачом, как он писал в анкете, а скорее всего все-таки фельдшером по профессии. В 1930 году он был принят кандидатом в члены ВКПб, а 1 августа 1931 г. умер от ранения в возрасте 24 лет.

Такова история короткой жизни и трагической смерти одного из простых людей того времени, которого пропаганда возвела в ранг героя. Вероятно, нужно, освободиться от этой неправды: переименовать улицу Хомутского скажем на улицу Крестьянскую или подобрать ее название на конкурсной основе, перезахоронить его останки на кладбище, убрать из центра села жалкую пирамидку его надгробия. В тоже время нужно с пониманием отнестись к памяти о П.П. Хомутском, не предавать «анафеме» его имя, потому что с теорией классового противостояния должна уйти от нас ненависть к погибшим с той или с другой стороны баррикад. Только на почве социального гражданского мира, а не гражданской войны возможна достойная жизнь нашего общества на исходе двадцатого столетия.

В. Бойко, член совета Томского общества «Мемориал», кандидат исторических наук.

Газета «Ленинское знамя» Бакчарского района Томской области №76 от 23 июня 1990 г.; материал перепечатан из областной газеты «Красное знамя».